

Максим Горький

**Об анекдотах и – ещё кое
о чём**

Максим Горький

Об анекдотах и – ещё кое о чём

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2451795

Аннотация

«Известно, что буржуазное государство посредством долговременного, непрерывного и всестороннего давления на индивидуальность создало тип человека, ремесло которого – примирять социальные противоречия...»

Содержание

Максим Горький

Об анекдотах и – ещё кое о чём

1

Известно, что буржуазное государство посредством долговременного, непрерывного и всестороннего давления на индивидуальность создало тип человека, ремесло которого – примирять социальные противоречия.

Это – человек, «образованный» естественной потребностью мещанства в защите против отравления ядами, кои нездоровый организм его вырабатывает в себе самом. Это – человек «начитанный», умеющий более или менее ловко излагать мысли и разлагать их, когда они противоречат философическим основам мироискривления мещан. Известно, что мещанство двоедушно и что оно не может быть иным: в практике своей оно грубо и цинически материалистично, в теории исповедует идеализм.

Для прикрытия этого маленького, но совершенно очевидного противоречия и образован профессиональный прими-

---

¹ Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 348 от 19 декабря и номер 349 от 20 декабря. // Включалось во второе издание книги М. Горького «Публицистические статьи». // Печатается по тексту указанной книги, сверенному с авторизованной машинописью (Архив А. М. Горького)

ритель всех и всяческих противоречий. Его обязанность – «отводить глаза» от действительности всем вообще людям, а особенно людям, которые желали бы честно разобраться в сложной путанице идей, выдуманных предшественниками их по ремеслу, – идей, которые не только оправдывают, но и пытаются навеки утвердить законность бытия мещанства в целом, а в частности – законность бытия «свободо-мыслящего мещанина», якобы совершенно «духовно» независимого от влияния действительности. Основным приёмом «отвода глаз» служит углубление разума в область «вечных тайн», кои, будучи уже признаны неразрешимыми, тем не менее усердно и «умозрительно» разрешаются, причём иногда разрешаются они не по обязанности примирителя, не по силе пытливости его ума, а по ремесленной привычке и даже нередко от «нечего делать».

В область «вечных тайн» свободомыслящий примиритель социальных противоречий отправляется с высоты такого соображения: «Мы кое-что узнали, но мы не знаем, насколько достоверно то, что мы знаем; нам неизвестно, что именно скрыто под тем, что нам известно, а это скрытое и есть главное, что необходимо знать. Кем или чем и как начато всё, что существует, и зачем оно начато? Всё – и мысль – исходит из неведомого, но ведомо ли неведомому сомнение в смысле своего бытия? Имеют ли место среди Платоновых идей идеи граммофона, штанов, пулемёта, лыж, револьверного станка, трубки для курения табака, швейной машины,

туберкулёзной бациллы, мыла, утюга? Существовало ли моё «я» до рождения, и как оно будет чувствовать себя после смерти? Сидит ли человек на камне, на стуле или же на собственных ягодицах, и какую роль при этом акте играет земной шар?»

Количество вопросов такого рода неисчислимо, и многие люди указанного типа верят, что, разрешая вопросы этого порядка, они «углубляют познание смысла бытия», а также разоблачают заблуждения мысли².

Решением этих вопросов занимаются наиболее крупные птицы, так сказать, вороны, среди галок, сорок и ворон. Более мелкие «двуногие без перьев» ближе к мещанской действительности и по мере сил своих затемняют ясность подлого её смысла.

По характеру своему они – в большинстве – жулики, но по убеждениям – гуманисты. Они могут быть деятельными членами «Общества защиты животных» и равнодушно наблюдают, как полиция избивает рабочих на улицах культурных городов Европы. Они могут протестовать против «вивисекции», защищая жизнь кроликов, собачек, морских свинок, и могут оправдывать неизбежность империалистических войн, истребляющих десятки миллионов людей, оправ-

---

² Ошибочно было бы думать, что я высмеиваю философию, – нет, я – за философию, но – снизу, от земли, от процессов труда, который, исследуя явления природы, покоряет силы её интересам людей. Я убеждён, что мышление неразрывно соединено с трудом, и не сторонник мышления в неподвижном состоянии – сидя, лёжа – прим. М. Г.

дывать варварскую колониальную политику капиталистических государств; могут по указу хозяев науськивать мещанство Европы на интервенцию в Союз Советов, науськивать на террор против большевиков. Вообще они «к добру и злу постыдно равнодушны»³, но, работая в газетах банкиров, они проповедуют какое-нибудь «добро», например, фашизм, и «обличают зло», например, коммунизм.

Хозяева кормят их более или менее вкусно и командуют им: «Эй, ребята! Делай общественное мнение!» И они послушно сочиняют, что в Союзе Советов хозяин его – трудовой народ – изнемогает от желания снова посадить на шею себе царя или парламентец с банкирами и фабрикантами; доказывают, что существует племя людей, которым скучно жить, если их не бьют, что у людей этих развита любовь к страданию, как доказано Достоевским, что они тем лучше себя чувствуют, чем больше у них чирьев на коже, и что терпение их совершенно изумительно, – так, например, они почти голыми кулаками четыре года усердно и терпеливо били армии учёных генералов, спецов военного дела, и войска европейской буржуазии. Впрочем, на последнее они, кажется, не ссылаются, доказывая любовь населения Союза Советов к страданию и терпению.

Они очень любят подчёркивать различные мелкие, пошленькие, глупые и уродливые анекдоты, которыми советская

---

³ ...«к добру и злу постыдно равнодушны»... – из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума».

действительность не бедна и которые не могут не создаваться в стране, где приведены в непрерывное движение 162 миллиона людей, в большинстве не очень грамотных.

Люди эти дерзновенно решили создать новое, социалистическое общество; никто до них такой работы не начинал, учиться им не у кого, рабочей силы им не хватает, и вообще положение таково, что для творчества глупеньких анекдотов есть и место и достаточное количество разнообразных причин.

Однако не было случая, чтобы анекдоты, даже взятые в сотнях и тысячах, заметно задерживали развитие исторического процесса. Но разбойники пера и мошенники буржуазной печати обязаны хозяевами доказывать, что анекдот не только мешает, но и останавливает ход истории. Моё мнение по этому поводу таково: если анекдот остроумен, он украшает историю, как художественная миниатюра страницу летописи; если анекдот уродлив, пошл и глуп – автор его, наверное, тоже урод.

В номере 254 «Правды» была напечатана заметка: «Без революционной теории – нет революционной практики»⁴, Это – правильно, и это следовало бы повторять в разных формах возможно чаще. Заметка была бы ещё более педа-

---

⁴ *«Без революционной теории – нет революционной практики».* – Изменённая цитата из книги В. И. Ленина «Что делать?» В. И. Ленин писал: «Без революционной теории не может быть и революционного движения» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т.5, стр.341).

гогически солидной и убедительной, если б в ней упомянуто было, что революционная теория создаётся не «от ума» и не «от скуки жизни», как думают некоторые наивные, а может быть, притворяющиеся наивными, в сущности же плутоватые субъекты. Наивным приходится напоминать, что революционная теория ленинизма построена на фактах трудовой, житейской, исторической практики, имеет глубочайшие корни в земле, в истории длительной борьбы трудового народа за его освобождение из железной сети капитализма. Люди, которые почерпнули эту простую истину из книжек, думают, что она усвоится легко. Но простые идеи – самые мудрые, и поэтому они – самые трудные. Мозг человека засорен множеством идей фантастических, ложных, но очень затейливо одетых в красивенькие слова и увлекающих мысль своей затейливостью. Есть пословица: «Грязная одежда срывается с кожей».

Идея социальной революции очень проста, правда её совершенно очевидна. Но эта идея должна проникнуть в сознание трудовой массы, веками воспитанной на суевериях мещанского, зоологического индивидуализма, искусно скрытого в громких фразах. К тому же: можно не верить в бога и всё-таки – по привычке бабушек и дедов, отцов и матерей – думать о жизни церковно, то есть ложно.

Люди тяжёлого физического труда тысячелетия воспитывались на идее «судьбы», всеильно властвующей над ними, на учении о царе небесном и неограниченной власти земных

царей, на идеях пассивного, покорного отношения к жизни, хотя именно эти люди – та сила, труд которой непрерывно изменял формы социальной жизни их владык и создавал культуру. Некоторые из активных единиц, которым удалось вырваться из каторжной работы и нищеты, становились по отношению к массе в ряды грабителей её труда. У них было весьма солидное основание верить, что жизнь строят ловкие, бесстыдные и потому богатые. Они укрепляли в массе веру в то, что существует бог, и это он – податель богатства. Нет диктатора, который не опирался бы на церковь, и нет религии, которая не служила бы диктатуре богатых над рабочим народом. Всё это хорошо известно уже миллионам рабочих, но не всем рабочим. В нашей советской действительности работают десятки тысяч крестьянской молодёжи, которой не совсем ясна история роста революционной теории, не ясно, из каких фактов она возникла. Нужно, чтоб эта молодёжь знала историю развития сельского хозяйства от первобытных времён до наших дней, историю развития науки, техники, промышленности, историю всего, что создано трудом и на основе труда её предков, должна знать «Историю фабрик и заводов», «Историю гражданской войны» и первой, великой победы революционной теории над грязной и кровавой практикой мещан. Наша молодёжь должна знать также и текущую действительность, то есть историю её героического труда. Среди неё возможны юноши, для которых бурный ход действительности так непонятен, что они ставят

вопрос: «К чему всё это?»»

Вопрос: «К чему всё это?» – дважды поставлен предомною в его буквальной форме и десятки раз в формах менее точных. Ставят этот вопрос юноши, которых можно разделить на две группы: на уставших от «идеологии» и желающих, как пишет один из них, «чтоб на полях вместо гвоздей росла трава и крестьянин обнимал крестьянку, а не трактор». Вторая группа – юноши, убеждённые в своей гениальности и уверенные, что они вполне «способны решить все вопросы современности, не опираясь на прошлое, изучать которое вы нас призываете, потому что вы старик и прошлое вам дорого, чего мы не чувствуем и не признаём». В этой группе нашёлся молодой пистолет, который, предпочитая русскому языку малограмотный, рассуждает так: «Мне ещё нужно доказать, что учёба постоянно полезна, а не привычка накапливать знакомства с ненужными фактами жизни». А человек, едва ли молодой, очень сердитый и анонимный, говорит: «Вы уже не художник, а дидактик и старик, а старики честолюбивы и любят учить, хотя их уже некому слушать в стране, где управляют жизнью безграмотные дворники и кухарки...»

К этим изъяснениям настроений моих корреспондентов прибавлю следующее. Недавно я прочитал книжку, ценою гривенник, в ней излагается дискуссия одного профессора со студентом. Профессор доказывает, что, только освоив науч-

ный опыт человечества, историю его интеллектуального роста, мы можем быстро и успешно двигать науку вперёд. Студент возражает: для практики бурно текущей жизни и работы строительства достаточно умения пользоваться готовыми формулами и нужен технический справочник, а «познание глубин научной мысли нужно отложить на будущее, когда для учёбы останется больше свободного времени». Профессор, к сожалению, соглашается со студентом, даже ставит ему фиктивный зачёт и, таким образом, выпускает на ответственную работу недоучку, который, вероятно, что-нибудь напутает, напортит, нанесёт государству вред.

Титул «честолюбивого старика» – не новость для меня, титул этот давно уже дан мне эмигрантской прессой, а чином дидактика я награждён лет тридцать назад. Я не считаю себя виноватым в том, что стар; на мой взгляд, старость – не преступление, а только неизбежная и очень крупная неприятность. Должен сказать, что у меня нет особенной симпатии к племени стариков, ибо мне с юности очень хорошо известно, что многие люди, старея, густо обрастают шерстью и даже щетиной человеческой «мудрости», что разум их становится нетерпимым, назойливо авторитарным и хочет, чтоб доводы его принимались как аксиомы, не требующие доказательств и не подлежащие критике.

Гениальные пистолеты могут вообразить, что я говорю так с намерением подыграть к их настроению чрезмерного и малограмотного критицизма. Нет, я делаю это для удобства

драки, для того, чтоб в меру старческих сил моих дать им трёпку. Я знаю: петухи, воображая себя орлами, всё-таки не взлетят выше плетня или забора, – однако зачем же поощрять молчанием бесплодные попытки некоторых юношей подняться на вершок от земли, дёргая себя за собственные свои уши?

Невежественно думать, что «прошлое дорого» мне. Если б это было так, я жил бы по принципу «после меня – хоть потоп» и рабелал бы в другом лагере, а не в том, где, кроме прямых моих обязанностей литератора, я должен заниматься работой санитара, попытками вымести из жизни всякую заразную грязь и дрянь.

Этой работой санитара и объясняется отмеченная анонимом моя склонность к дидактизму – учительству, якобы не свойственному и даже вредному для сочинителя рассказов и романов. Я не знаю искусства, лишённого дидактики, и не думаю, что дидактизм способен понижать силу влияния искусства на воображение, на разум и волю читателя.

Лично меня всю, жизнь учили и продолжают учить. Учили Шекспир и Сервантес, Август Бебель и Бисмарк, Лев Толстой и Владимир Ленин, Шопенгауэр и Мечников, Флобер и Дарвин, Стендаль и Геккель, учил Маркс, а также библия, учили анархисты Кропоткин, Штирнер и «отцы церкви», фольклор и плотники, пастухи, рабочие фабрик и тысячи других людей, среди коих я прожил полсотни лет сознательной жизни. Я не нахожу, что в школе, которую я окан-

чиваю, преподавалось и преподаётся нечто лишнее для меня. Продолжая учиться у Ленина и у его учеников, я чувствую, что меня одновременно учат и не очень грамотные наши ударники и весьма грамотный Шпенглер, корреспонденты мои тоже кое-чему учат меня. В конце концов я назову это «прохождение» столь пёстрого курса наук обучением у действительности и скажу, что моё право учить я считаю достаточно обоснованным.

Некоторые из корреспондентов учат меня: «Возьми палку, надень котомку и походи пешечком, погляди...» Этого я не сделаю, у меня нет времени для прогулок. В своё время я достаточно погулял и не плохо знаю, в каких отчаянных, каторжных условиях, в какой нищете жило крестьянство. Знаю, что пятьдесят лет назад мужик ходил «с сошкой», а по пятам за ним – «семеро с ложкой», что в ту пору у него было очень много хозяев, а учителя не было; сам же он, прожив тысячелетия, ничему не выучился.

Теперь у него есть отличный учитель – рабочий-коммунист, он заменил соху трактором, серп и косу – комбайном, он освобождает крестьянство от каторжного труда, от нищеты и от вековой «власти земли», которая держала разум крестьянства в тьме всяческих суеверий, в тяжёлом, уродующем душу невежестве. Я знаю, как быстро растёт в крестьянстве грамотность, а вместе с нею сознание человеческого достоинства и сознание правды коллективизма.

Конечно, «в семье не без урода», а так как семья у нас –

162 миллиона единиц, – естественно, что и уродов в ней не мало. Уроды самолюбивы и обидчивы: урод считает себя человеком исключительным, и, разумеется, он имеет основание считать себя таким, поскольку он – урод.

Основа умственного уродства – лень разума, его нежелание изучать, знать, его самодовольство или удовлетворение ничтожностью знания. Это уродство обычно называется одним словом – глупость.

Вот, например, некий самодоволец пишет: «Если действительность против моего творчества, так я имею право отрицать её. Достоевский, что ли, сказал, что человек – существо фантастическое, и это правда. Я ставлю свою фантазию выше всех ваших достижений днепровских, магнитогорских, нижегородских». Возражать столь гениальному уроду бесполезно, ибо он, по-видимому, органически не способен понять, что в основе всех фантазий коренится действительность и что человек не может ничего выдумать, не опираясь на что-нибудь, сделанное до него, для него или против него. Можно и не отрицать, что «человек – существо фантастическое», но для этого необходимо взглянуть на него очень издали, даже «из глубин космоса», как на существо, которое зародилось и выросло на одной из незначительных по объёму точек вселенной и на этой точке в течение десятков тысячелетий путём невероятных усилий достигло тяжким физическим трудом и напряжением творческой энергии разума

невероятных успехов. Самое изумительное, чего он достиг, – это его наука, дерзновенная работа которой не знает пределов и не должна знать их. Затем – это его техника, возникшая на основе науки и всё более легко преодолевающая сопротивление инертной материи. Затем – это его искусство, позволяющее ему создавать из слова, звука, красок, камня и металла идеальные по красоте и силе образы, сочетания и формы.

Взятый так, человек действительно является фантастической величиной, а история его труда, история культурного творчества – самое фантастическое, что вообще можно вообразить. Но чтоб вообразить во всей его огромности такого человека, надобно вспомнить, что его имя – Человечество, и надобно знать историю его борьбы с природой и борьбы классов внутри его. Но «гениальности» юношей, подобных автору вышеприведенной цитаты, неизбежно сопутствует глубокое и тёмное невежество.

Юноша, уставший от идеологии, пишет: «Может быть, я отстал от жизни, оторвался от действительности, но мне очень нравятся переводы Жуковского, его сказки и легенды, опера «Руслан и Людмила» и многое такое, в чём под увеличительным стеклом не найти идеологии». Далее он спрашивает: «Не следует ли допустить к изданию литературу, не имеющую ничего общего с идеологией?» Ему нравится кинокартина «Страх», охраняющая устои буржуазной семьи, «нравятся комиксы Пат и Паташон, их идиотские положения

всегда вызывают смех». Он хочет, «чтоб на полях росли не гвозди, а трава, и чтоб крестьянин обнимал не трактор, а крестьянку».

Общий смысл этого послания сводится к двум словам: надо развлекаться.

Я цитирую это письмо не потому, что считаю его глупее других – подобных, нет, имеются письма гораздо более глупые. Юноша, утомлённый идеологией, не так наивен, каким он хочет казаться, и протестует он не против всякой идеологии, а против некоторой, вполне определённой. Сам он глубоко идеологичен, и его лозунг «надо развлекаться» – старинный лозунг дармоедов и паразитов: пусть другие работают, а мы хотим развлекаться.

Ему, как видим, по душе поэзия «Озёрной школы» в переводах Жуковского. Байрон, лорд, но революционер, ненавидевший победоносное мещанство своей эпохи, о поэтах «Озёрной школы» говорил так:

Пускай места вам тёплые даны,
И вам достались слава и богатство,
В продажных мненьях всё же нет цены,
Позорным я считаю ваше братство,
Вам чужды убеждения и честь...

И ещё:

Вы скрыли под лавровыми венками

И наглость ваших лбов, и тайный стыд,
Я зависти к вам не питаю: с вами
Тот не пойдёт, кто честь и совесть чтит.

Роберт Соути, Вордсворт, Кольридж и другие поэты «Озёрной школы» были сторонниками министра Кестельри, а Байрон об этом Кестельри писал так:

О, Кестельри! Предатель и злодей,
Ты обагрил кровавыми ручьями
Ирландию и родины своей
Стал палачом. Преступными делами
Ты служишь тирании, и людей
Держать ты хочешь скованных цепями...

У поэтов «Озёрной школы» есть одна, но не малая заслуга: они умели отлично пользоваться материалом устного «народного» творчества; этим они значительно обогатили английский язык, как говорят историки литературы, не забывая однако указать, что Соути, Вордсворт, Кольридж были поэтами средних талантов. Возможно, что колоссальнейший наш поэт Пушкин пользовался материалом народных сказок, следуя их примеру, но здесь нужно отметить весьма существенное различие «вкуса» и отношения к материалу.

Поэты «Озёрной школы» не касались таких тем, как, например, «О попе и работнике его Балде». Пушкин вообще не искажал подлинного смысла сказок, тогда как Вордсворт

и его группа пользовались в народном творчестве мотивами «сверхчувственного», «чудесного», идеями и суевериями, которые в это здоровое, языческое творчество внесены были церковью, её лицемерием. Вкладывая в этот церковный материал своё толкование, они являлись именно примирителями социальных противоречий. Вордсворт отличался «враждебным и даже презрительным отношением к разуму». Кольридж – в юности либерал, а затем ученик немецкого мистика Якова Беме и реакционер. Соути тоже начал с радикализма, потом прославил себя дикой ненавистью к Байрону и Шелли и, наконец, опустился до такого мракобесия, что даже историк Маколей, консерватор, подверг его книгу «Беседы» резкой критике.

Все эти люди заражены учением Лютера о разуме как «дьявольской блуднице», учением саксонского крестьянина, предки которого на протяжении многих веков жили под невообразимым кровавым гнётом мелких князьков, церкви, рыцарства и поместного дворянства.

Этот гнёт и внушил Лютеру его изуверское учение, суть которого такова: «Христианин должен быть совершенно пассивен, должен терпеть, он должен чуждаться благ этого мира и помышлять только о сокровищах на небесах. Христианин должен терпеть, не оказывая ни малейшего сопротивления, если б даже с него стали кожу сдирать. Ко всему земному он равнодушен. Он дозволит грабить, резать, мучить себя, ибо он – мученик на земле». И, когда крестьяне под пред-

водительством Фомы Мюнцера, Вендера Гейлера и других вождей, выдвинутых ими, восстали против угнетателей, Лютер закричал рыцарству и церковникам: «Спасайтесь! Коли-те, бейте, душите крестьян как можете! Их надо давить, как бешеных собак!»

Вот из какого источника почерпали основы своей идеологии поэты, которые так нравятся юноше, утомлённому идеологией рабочего класса. Остаётся сказать несколько слов о Жуковском. Так же, как Вордсворт и Роберт Соути, он был «придворным» поэтом, «лауреатом», то есть увенчанным лаврами. Он был воспитателем Александра Второго, сына царя Николая Первого, и автором статьи, в которой защищал и оправдывал применение смертной казни. Сентиментальный реакционер, он обладал талантом хорошо рассказывать в стихах чужие вещи, но сам был не очень крупным поэтом.

Итак, мы видим, что юношу утомляет не всякая идеология, а определённая и, должно быть, плохо знакомая ему. Весьма возможно, что его тяготение к балладам поэтов «Озёрной школы», к легендам и сказкам объясняется не его классовым вкусом, а его невежеством. Он, должно быть, ещё не знает, что баллады, сказки, легенды тоже скрывают за красивыми словами кое-какую, а иногда очень скверную идеологию и что даже тараканы, крысы, комары и прочие паразиты тоже, вероятно, обладают зародышами примитивной «идеологии», ибо паразитам свойственны некоторые, основанные на опыте, представления, например: земля устойчи-

вей воды, железо несъедобно, кровь человека питательна. Идеологически, вероятно, не умеют мыслить только идиоты и кретины, но ведь здесь идёт речь не о них.

Само собой разумеется, что я не против развлечений, но по условиям нашей действительности развлечения нуждаются в ограничениях: «делу – время, а потехе – час».

Мне кажется, что если одни будут развлекаться красотами словесного творчества реакционеров, классовых врагов трудового народа, тогда как другие непрерывно и неутомимо увлекаются ударничеством в области строительства новой, социалистической, действительно освобождающей человечество культуры, – при наличии такого противоречия первые будут совершенно лишними в нашей рабочей действительности.

Затем я полагаю, что эта действительность достаточно интересна и богата «развлечениями». Например, Ганди и Макдональд – комики не менее забавные, чем Пат и Паташон, а злодеи действительности значительно превосходят пако-стями своими злодеев кино. Повторю, что вообще и всегда действительность служила, служит основой всех выдумок и фантазий, и гораздо интересней, практически полезней изучать её не по фильмам кино, а по деяниям таких, например, джентльменов, каковы Черчилль, Чемберлен, Болдуин и прочие «герои нашего времени» и этого ряда. Полезнее, интереснее это потому, что означенные джентльмены, при их явной склонности к политическому хулиганству, могут

набить шишек на черепах юношей, которые устали от идеологии. Джентльмены не замедлят сделать это, если юноши будут заниматься ротозейством – профессией, которая, надеюсь, нравится не очень многим из граждан Союза Советов. То, что думают и пишут эти немногие граждане, гораздо лучше и всесторонне продумано, написано в начале XIX столетия людьми, которые тогда тоже «устали» от революционной идеологии материалистов «века просвещения», и то, что тогда писалось «уставшими», было изуверской, церковной идеологией контрреволюционеров.

По поводу гвоздей, которые будто бы растут на полях, ничего не могу сказать: никогда не видел таких гвоздей и полей. Автор письма, должно быть, пошутил. А относительно крестьянина с полной уверенностью говорю: и в наши дни и немножко позднее, когда он, перестав чувствовать себя крестьянином, поймёт себя социалистом и хозяином своей страны, он неизменно будет обнимать крестьянку, она его – тоже. Это – их взаимная, биологическая и, как известно, весьма приятная обязанность.

Даже монахи, идеологи аскетизма, могли бы, опираясь на свой личный опыт, удостоверить, что и аскетизм не мешает исполнению этой обязанности. Даже гомосексуалисты, уклоняясь от этой обязанности назад, объясняют это уклонение идеологически или своим тяготением к эстетике эллинизма, или же тем простым фактом, что в буржуазном обществе содержать мужчину дешевле стоит, чем содержать женщину.

Всюду «идеология», молодой человек. Никогда она не мешала исполнять «обязанность», издавна поощряя исполнение в стихах и прозе, в красках и танцах. Мещанская действительность говорит нам, что в буржуазном обществе эта обязанность принимает форму и характер всё более грязного распутства и унижения человека – женщины. «Охраняя устои семьи» в кинематографе, мещанство в быту своём всё чаще заставляет женщин прибегать в целях самозащиты к услугам револьвера и углекислого газа, как об этом ежедневно и садически подробно рассказывают хроникёры буржуазной прессы – люди, о которых говорилось в начале этих заметок.

Люди эти, разумеется, не могут возбудить наших симпатий, но они очень полезны, потому что они натуралисты. Родоначальником их был Хам, бойкий парнишка, который обнажил наготу пьяного отца своего. Они тоже занимаются обнажением грязной наготы своего папаши – класса, наполняя полосы мещанских газет многословными описаниями семейного развала в мещанском обществе, рассказами об убийствах, самоубийствах, о разных формах воровства, мошенничества и жульничества. Их ремесло – рыться в крови, грязи, в мусоре мещанской жизни, они очень увлечены этим ремеслом и дают широкую, весьма красочную картину истлевания, гниения европейской, буржуазной культуры. Они и сами тоже гнилые, но это – полезные гнилушки, потому что их «натурализм» освещает действительность довольно ярко.

К показаниям этих людей нужно относиться внимательно, но подражать им не следует, потому что они людишки бездушные, воспринимают драмы своей мещанской действительности как материал, который продаётся, покупается и обеспечивает «натуралисту» известное количество жратвы.

В нашей, советской действительности довольно много всякого старья, оно быстро отмирает. У нас тоже существуют и кое-что пишут своеобразные «натуралисты». Я не решусь назвать их потомками Хама, ибо иногда мне кажется, что они подчёркивают бытие всякой дряни и гадости из соображений гигиенических, из желания поскорее доконать, добить издыхающее и вышвырнуть его прочь из быта. Но, подчёркивая, забывают о политическом такте.

Они очень зорко видят и как будто правдиво рассказывают. Вот, например, в книжке одного литературно грамотного сочинителя я читаю: «На работу в губполитпросвете человек с бородкой попал недавно и по недоразумению: раньше он был смотрителем кладбища».

Вы посмотрите, как смешно. И возможно, что это правда. Людей у нас везде не хватает, а смотритель кладбища мог оказаться человеком политически более воспитанным, чем автор книжки. Но зарубежные натуралисты и внутренние недоброжелатели рабоче-крестьянской власти обязательно сделают из этого анекдота иной вывод: в Союзе Советов политическим просвещением рабочей массы занимаются смотрители кладбищ. Для того, чтоб ещё более заострить урод-

ство анекдота, могут превратить зрителя в могильщика. Мещане, туземцы и старички-эмигранты Парижа, Берлина, Праги, Софии, Белграда утешены советским сочинителем, ликуют, звонят друг другу по телефону, кричат: «Вы читали о могильщиках? Хи-хи, каково!»

В книгах наших сочинителей я весьма часто встречаю такие анекдоты, но не буду приводить их здесь, ибо не нравится мне потешать мещан правдой, приятной для них и оживляющей подленькие их надежды.

Меня очень интересует вопрос: откуда у наших сочинителей это пристрастие к «правде», приятной мещанству? Эта «правда» – результат его классового творчества. Беседуя с одним автором по поводу его рукописи, почти сплошь построенной на материале пессимистических анекдотов и на герое, который мучается потому, что не может выбрать для себя достаточно звучной фамилии, я спросил: «Почему для меня, читателя, должно быть интересно, что какой-то болван Семиков, вместо того, чтобы работать, учиться, бормочет: Семиоков, Сумраков, Сумароков?» Я получил такой ответ: «Мне нравятся люди, которые живут бездейственно, внутри себя, развиваются самосильно, как вы».

Это – очень странный анекдот, ибо грубый, бытовой натурализм рукописи никак не согласуется с явным романтизмом угрюмого и сердитого автора. Романтизм свой он обнаружил в словах вполне определённо, но всё-таки романтизм этот кажется пришитым к авторовой коже, а не идущим из-

нутри его. И вообще мне довольно часто кажется, что некоторые молодые писатели учатся как будто не у действительности, а у Фридриха Шлегеля, который за 132 года до наших дней проповедовал, что «человеческое «я» находит своё истинное удовлетворение не в энергической деятельности, а в богоподобном искусстве бездействия, в отсутствии всякой деятельности, живёт «самонаслаждением» и чем более походит на растение, тем лучше для него».

Это учение чистейшего пассивного романтизма в XIX–XX вв. многократно повторялось, и нередко в таких курьёзных формах, как в книге Гюисманса «Наоборот», как у непомерно расхваленного Уота Уитмена и, наконец, у нестерпимо болтливой Марселя Пруста. Весьма возможно, что увлечение пассивным романтизмом в некоторой, едва ли значительной, части нашей литературной молодёжи объясняется её эмоциональным стремлением к романтизму активному, революционному, – к романтизму, которым так прекрасно богата наша действительность, так глубоко насыщена работа нашей молодёжи, творящей не «легенду», а всемирное дело освобождения трудового народа. Весьма допустимо, что, как уже сказано, молодёжь отмечает и густо подчёркивает анекдотические, уродливые проявления старого быта из ненависти к нему, из соображений санитарных, из желания уничтожить всё, что мешает молодым людям усвоить революционный, активный романтизм. Но этот романтизм даётся только путём развития и углубления классового самосозна-

ния, только путём политического самовоспитания, и только при таком условии совершенно отпадает вопрос: «К чему всё это?» и юноше станет ясной та высокая цель, которую поставил пред собой класс-диктатор Союза Социалистических Советов. Эта цель и есть та величайшая, светлая правда, о которой издревле мечтал трудовой народ всего мира и которая одна только может освободить его от жизни в крови, в грязи, во лжи, в душной путанице классовых непримиримых противоречий.

Но ещё не издохла, живёт и действует на мозги людей, утомлённых революционной идеологией рабочего класса, подленькая, пошленькая «правда» мещанства. Потомки Хама, «натуралисты», «мошенники пера», наёмники банкиров и вообще мелкие людишки, живущие по принципу «после нас – хоть всемирный потоп», пользуются этой правдой для хулы на Союз Советов и на социализм. «Индустриализация», – говорят они, – «пятилетка», «Магнитострой», «Днепрострой», Москва-реку соединяете с Волгой, а политграмоту у вас смотритель кладбища преподаёт. А сочинитель имярек, забыв, что он везёт своих героев по Оке, описывает ночь на Волге, а учительница имярек три месяца жалованья не получала. А в городе Окурове кооператоры проворовались. Делаете блюминги, тракторы, конвейеры, а иглол, булавок, дамских шпилек иногда нет, черти драповые» и т. д. и т. д. – и всё это – правда. Ну, что поделаешь? Не мало ещё такой правды на пространстве от Владивостока до Одессы, от Эри-

вани до Мурмана, от Ленинграда до Ташкента. Не скоро выметешь эти недостатки. Однако понемножку чистим, и если чистим, то уж беспощадно.

Врагам нашим мерещится, что этой анекдотической правдой они «утирают нам нос». Оставим их в тумане самообмана, но давайте позаботимся, чтоб количество пошлых анекдотов сокращалось. Не следует кормить мещанство даже и грязью, приятной ему. Количество анекдотов быстро сократится, стоит только усвоить простую истину: каждый из нас за всё, что бы он ни делал, отвечает перед всей страной и перед каждой единицей её. Нам пора воспитывать в самих себе чувство всесоюзной социалистической ответственности и солидарности. Вместе с этим чувством мы воспитаем в себе и политический такт, который не позволит нам сочинять анекдоты в жизни и литературе, не позволит утешать мещанство доказательствами живучести его в нас самих.

Если человек на социалиста «похож по роже, а душа не похожа», так это гораздо хуже, чем плохо. Будущее, которое мы строим сегодня, протягивает нам крепкую и щедрую руку. Сделано так много, что ещё несколько усилий, и великий диктатор Союза Советов – рабочий класс – станет силою, непобедимою никакими соединениями истрёпанных сил его классовых врагов.